

неверную Имоджину. Не золото и драгоценности привлекли сердце Эльвиры, а пылкая страсть: «Ах, можно сражаться с сердцем долго и упорно, но кто победит его? — бурное стремление яростных вод разрывает все оплоты, и каменные горы распадаются от силы огненного вещества, в их недрах заключенного».

По-иному разработана Карамзиным развязка. Страшный и фантастический рыцарь-привидение, являющийся на брачный пир, заменен у Карамзина романическим «незнакомцем в черной одежде, с бледным лицом, с мрачным видом». Он появился во время венчания, напомнил вероломной Эльвире об ее клятве, пронзил кинжалом себе грудь и «пал мертвый на помост храма». Это Алонзо, который спасся во время кораблекрушения, был взят в плен алжирцами, получил через год свободу и, узнав на родине, что Эльвира выходит замуж, «решился наказать ее... своею смертью». В этой развязке ясно выражено мировоззрение Карамзина. Он не верит в потусторонний мир, призраки и объясняет неожиданное появление Алонзо, как мы видели, конкретными жизненными обстоятельствами. То же скептическое отношение к фантастике высказал Карамзин в примечании к переведенной им новелле Флориана «Валерия»: ⁷ в маленьком городке Лангедока на юге Франции, в старом замке, на святках собиралось веселое общество молодежи: «Целый день мы шутили и смеялись, а вечером, сидя вокруг камня, рассказывали друг другу сказки, пели баллады, романсы ... Красавицы ... любили повести о мертвецах и привидениях», например «историю тулузского советника, которому в одну ночь явился мертвец, полгода лежавший в могиле, — явился и наименовал своих убийц». За весьма достоверную выдавалась история «лионского супруга, который в исступлении ревности убил жену свою и потом всякую ночь в одиннадцать часов видел ее, приходящую к его постели в зеленых туфлях». В сноске к этому отрывку Карамзин подчеркивает: «Нет нужды сказывать читателям, что Флориан шутит».⁸ Отвергая как рационалист призраки и потусторонние видения в беллетристике, Карамзин придерживался и в жизни этих воззрений. Так, он писал А. И. Тургеневу 13 апреля 1816 г.: «Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком, хочу любить как можно более; не мечтаю даже и о возрождении нравственном в теле».⁹

Желая быть «самым простым человеком», Карамзин видел страшное не в фантастике и появлении призраков и мертвецов, а в жизни и в человеческой душе, как это позднее не раз показывали русские писатели-реалисты.

⁷ «Московский журнал», 1792, ч. VII, стр. 282—286.

⁸ Там же.

⁹ «Москвитянин», 1855, № 1, кн. 1, стр. 103.